



КНИГА I

ГЛАВА I

Эмма Вудхаус, девушка привлекательная, смышленная и обеспеченная, наследница прекрасного поместья и обладательница веселого нрава, казалось, располагала всеми наилучшими дарами судьбы. Прожив уже почти двадцать один год, она не ведала ни горестей, ни печалей.

Младшая из двух дочерей самого любящего и во всем потакающего им отца, вследствие замужества старшей сестры она с юных лет стала хозяйкой дома. Матушка их умерла так давно, что Эмма едва ли помнила ее ласки. Девочкам нашли гувернантку — чудесную женщину, подарившую им поистине материнскую нежность.

Шестнадцать лет прожила мисс Тейлор в доме мистера Вудхауса, став не просто гувернанткой, но другом семейства, и горячо полюбив его дочерей, а в особенности Эмму. С нею они стали близки как сестры. Даже еще исполняя обязанности воспитательницы, мисс Тейлор, будучи человеком от природы мягким, едва ли могла что-либо запрещать девочке. А теперь, когда от

призрачной власти ее над Эммой и вовсе не осталось следа, они сделались ближайшими подругами. Эмма высоко ценила мнение мисс Тейлор, однако же руководствовалась главным образом своим собственным, а потому поступала, как ей вздумается.

Впрочем, в этом состояла и ее беда: склонность поступать чересчур своевольно и весьма высокое мнение о собственной персоне могли навлечь на нее множество бед. Но опасность эта между тем была так неприметна, что Эмма нисколько не считала такие качества за пороки.

Однако пришла в дом и печаль — но то была печаль светлая, а отнюдь не муки мрачного отчаяния. Мисс Тейлор вышла замуж. Расставание с ней и стало причиной скорби, дотоле Эмме неизвестной. В день свадьбы она впервые погрузилась в горестные раздумья. И вот торжество окончилось, гости разошлись, а отец и дочь остались обедать в одиночестве безо всякой надежды на то, что кто-то скрасит их долгий вечер. Мистер Вудхаус нашел успокоение в привычном послеобеденном сне, а Эмме оставалось лишь сидеть и размышлять о своей утрате.

Для ее дорогой подруги событие это обещало стать началом счастливой семейной жизни. Мистер Уэстон был человек подходящего возраста с блестящей репутацией, приличным достатком и прекрасными манерами. Конечно, Эмме льстила мысль о том, с какой самоотверженностью и с каким благородством она всегда поощряла эту партию, желая мисс Тейлор лучшего и отрекшись от собственных интересов. Осознавая, как же тяжело ей будет без сердечной подруги каждый час каждого дня, Эмма вспоминала всю ту доброту и любовь, что мисс Тейлор подарила ей за шестнадцать лет. В памяти ее проносились детские воспоминания о том, как гувернантка неустанно заботилась о ней: не жалея сил, учила и развлекала ее в здравии,

терпеливо нянчилась с ней во время всяческих детских болезней. За это одно Эмма была безмерно ей благодарна, но еще ближе и дороже ей стали воспоминания последних семи лет. После переезда ее старшей сестры Изабеллы они остались вдвоем и зажили на равной ноге как близкие и искренние подруги. Лишь немногие могли похвастать такой компаньонкой, как мисс Тейлор: образованная, начитанная, отзывчивая, кроткая, она знала все тонкости семейного быта Вудхаусов и принимала все их заботы как свои, а в особенности все, что касалось Эммы, все ее отрады и затишья. С такой дорогой подругой можно было поделиться любой своей мыслью, не боясь осуждения или порицания.

И как же ей теперь справиться с такой переменой? Конечно, дом Уэстонов находился всего в полумиле от поместья Вудхаусов, однако Эмма понимала, что велика будет разница между миссис Уэстон за полмили и мисс Тейлор непосредственно в их доме. Теперь, несмотря на многочисленные дары, которыми наделили Эмму природа и семья, ум ее был обречен на муки одиночества. Сколь нежно бы она ни любила отца, в достойные собеседники он ей не годился ни в разговорах серьезных, ни в шуточных.

Различие возрастов (а женился мистер Вудхаус довольно поздно) немало усугублялось несхожестью их нравов и привычек. В силу ипохондрической природы и малодетельного образа жизни он казался гораздо старше своих лет, и хотя за доброе сердце и приветливый характер все его любили, никакими особыми талантами он похвастать не мог.

Что до сестры Эммы, то, выйдя замуж, она переехала в Лондон. Разделяли их всего каких-то шестнадцать миль, однако то было расстояние чрезмерно великое для ежедневных встреч. Много еще долгих осенних вечеров предстояло пережить Эмме до Рож-

дества, когда их общество скрасит приезд Изабеллы с семейством и дом вновь оживет.

Несмотря на собственную лужайку, собственные кустарниковые аллеи и даже собственное имя, Хартфилд, родовое поместье Вудхаусов, считался частью Хайбери — большой деревни, по количеству жителей ничем не уступавшей некропному городку. Однако и среди них не находилось для Эммы достойного компаньона. Вудхаусы здесь были самым знатным семейством, и все перед ними благоговели. Конечно, у нее водилось немало хороших знакомых, поскольку мистер Вудхаус был ко всем неизменно дружелюбен, но все же никто не мог заменить мисс Тейлор даже на полденечка. Потому подобные перемены в их доме и печалили Эмму: теперь ей оставалось лишь вздохнуть и мечтать о несбыточном, пока отец дремлет. При нем она надевала маску бодрости, поскольку тот, будучи человеком нервическим и по природе своей склонным к унынию, сильно нуждался в душевной поддержке. Мистер Вудхаус легко привязывался ко всем, с кем часто проводил время, и тяжело переживал расставание с ними; к тому же он терпеть не мог перемен. Брак как причину таких перемен он считал явлением особенно неприятным. О замужестве своей дочери он всегда говорил с сочувствием, невзирая на то, что это был брак по любви. И теперь, не оправившись еще от разлуки с Изабеллой, он расставался и с мисс Тейлор. Исходя из своей легкой эгоистичности, мистер Вудхаус и представить не мог, что чувства других людей могут отличаться от его собственных, а потому был уверен, что мисс Тейлор опечалена событием не меньше него и была бы гораздо счастливее, оставшись в Хартфилде и спокойно прожив там все оставшиеся дни. Стараясь отвлечь его от подобных мыслей, Эмма улыбалась и непринужденно болтала о том и о

сем, однако за чаем мистер Вудхаус все же повторил точь-в-точь то же, что сказал и за обедом:

— Бедняжка мисс Тейлор! Ах, если бы она была сейчас с нами. Как жаль, что она так приглянулась мистери Уэстону!

— Никак не могу с вами согласиться, папа, и вы это прекрасно знаете. Мистер Уэстон — человек столь добродушный, обходительный и благородный, что точно заслуживает такую прекрасную жену, как мисс Тейлор. И вы, разумеется, не пожелали бы ей навеки остаться тут с нами и терпеть все мои причуды, когда она могла бы иметь собственный дом?

— Собственный дом! Да какой толк в собственном доме? Наш-то раза в три побольше будет. А причуд у тебя, голубушка моя, нет никаких.

— Мы станем часто навещать их, а они — нас! Будем видаться каждый день! И начать эту традицию следует нам: нанесем новобрачным визит в ближайшее же время.

— Душа моя, как же я выдержу такой путь? Рэндаллс столь далеко, я и половины пути не пройду.

— Папа, ну что вы, никто и не заставляет вас идти пешком. Поедем в экипаже, разумеется.

— В экипаже! Да разве же Джеймс согласится запрягать лошадей ради такого малого расстояния? И где им стоять, пока мы сидим в гостях?

— В конюшнях мистера Уэстона, папа. Мы ведь вчера с ним уже обо всем договорились. А что до Джеймса, так будьте уверены: в Рэндаллс он всегда с радостью, там ведь в горничных служит его дочь. Я скорее боюсь, что он теперь никуда больше нас возить и не захочет. И все благодаря вам, папа. Никто и не подумал нанять Ханну, пока вы ее не порекомендовали. Джеймс теперь так вам обязан!

— Да, я и сам рад, что вспомнил о ней. Удачно все сложилось. Не хотелось бы, чтобы Джеймс думал,

будто мы им пренебрегаем. А из Ханны, я уверен, получится отличная служанка. Она девушка вежливая, учтивая, я о ней самого лучшего мнения. Всякий раз при встрече со мной она делает реверанс и очень любезно спрашивается о моем здоровье. Когда ты приглашала ее шить, я заметил, что она никогда дверью не хлопает, а закрывает ее аккуратно, поворачивая ручку как следует. Да, я уверен, служанка из нее выйдет прекрасная, а уж как рада будет бедная мисс Тейлор увидеть хоть какую-то знакомую душу. А Джеймс, навещая дочку, будет рассказывать в Рэндаллсе, как мы тут поживаем.

Не жалея сил, Эмма старалась поддерживать столь счастливый поток мыслей и надеялась, что за игрой в триктрак они благополучно протянут остаток вечера, а сожаления останутся лишь у нее одной. Уже и игральный столик был разложен, как вдруг пришел гость, и всякая надобность в играх пропала.

Мистер Найтли, рассудительный мужчина лет тридцати семи или восьми, был не только давним и близким другом семейства, но даже и состоял с ними в родстве как старший брат мужа Изабеллы. Жил он примерно в миле от Хайбери и был у них гостем частым и желанным. А тем более желанным в этот вечер: пробыв несколько дней в Лондоне у их общих родных, он приехал домой к позднему обеду и теперь пришел в Хартфилд сообщить, что на Брансуик-сквер все в добром здравии. Появление гостя на некоторое время оживило мистера Вудхауса. Веселый нрав, свойственный мистеру Найтли, всегда мог его приободрить. Получив подробные ответы на все свои вопросы о «бедняжке Изабелле» и ее детках, мистер Вудхаус с благодарностью отметил:

— Как любезно с вашей стороны, мистер Найтли, что вы смогли навестить нас в столь поздний час. Боюсь, прогулка была не из приятных.

— Отнюдь, сэр. Вечер выдался замечательный: лунный и очень теплый. Я даже, пожалуй, отодвинусь подальше от камина.

— Но там, должно быть, очень сыро и грязно. Как бы вам не простудиться.

— Грязно, сэр? Посмотрите на мои туфли. Ни пятнышка!

— Надо же! Это, признаться, очень удивительно после такого-то ливня, как у нас тут был. С утра целых полчаса лило как из ведра. Я даже подумал, не стоит ли отложить свадьбу.

— К слову сказать, я ведь вас еще не поздравил. Представляю себе, какого рода радость вы оба, должно быть, испытываете, так что не буду спешить со всякими пожеланиями. Как все прошло? Терпимо? Как вы держались? Кто больше всех плакал?

— Ах, бедная мисс Тейлор! Как это все печально.

— С вашего позволения, уместнее было бы сказать «бедные мистер и мисс Вудхаус», но уж точно не «бедная мисс Тейлор». При всем моем уважении к вам и Эмме, однако речь идет о положении зависимом или независимом!.. В любом случае, я полагаю, угодить одному лучше, чем двоим.

— Особенно когда кое-кто из этих двоих — такое капризное надоедливое создание! — игриво заметила Эмма. — Это ведь вы хотели сказать? И сказали бы, не будь тут моего папеньки.

— Да, голубушка моя, ты права, — вздохнул мистер Вудхаус. — Боюсь, я и впрямь бываю капризным и надоедливым.

— Мой дорогой папа! Неужто вы думаете, что я или мистер Найтли и впрямь могли так говорить о вас? Какой кошмар! О нет, нет! Речь идет обо мне. Мистер Найтли любит подмечать мои недостатки — в шутку, конечно же, все это в шутку. Мы всегда говорим друг другу что вздумается.

В сущности, лишь немногие находили недостатки в Эмме Вудхаус, и только мистер Найтли ей на них указывал. Конечно, Эмма и сама от этого особого удовольствия не получала, однако отец ее мог расстроиться еще больше, а потому она не спешила разуверять его в том, что для всех окружающих его дитя — само совершенство.

— Да, я никогда не льщу Эмме, — согласился мистер Найтли. — Однако же сейчас я хотел сказать лишь то, что теперь мисс Тейлор придется угождать одному человеку, а не двум. Думается мне, что она от нового положения только выиграет.

— Итак, вы желали услышать про свадьбу, и я вам с радостью поведаю, — поспешила вернуться к вопросу мистера Найтли Эмма, дабы уйти от этого разговора. — Все вели себя как нельзя лучше: приехали вовремя и в лучших нарядах. Никто не проронил ни слезинки, и едва ли кто-то унывал. Отнюдь, ведь все помнили: разделять нас будет всего полмили, а значит, сможем видеться каждый день.

— Моя милая Эмма всегда все выносит с такой стойкостью, — сказал мистер Вудхаус. — Но на самом деле, мистер Найтли, ей ведь очень грустно расставаться с мисс Тейлор, и я уверен, что она будет скучать по ней сильнее, чем предполагает.

Эмма отвернулась, с трудом улыбаясь и едва сдерживая слезы.

— Разумеется, Эмма будет скучать по такому другу, — ответил мистер Найтли. — Было бы несправедливо по отношению к ней предположить обратное. Но она осознает, как много преимуществ может принести мисс Тейлор этот брак и как важно для женщины ее возраста обзавестись собственным домом и личным достатком. А посему лучше праздновать, а не печалиться. Все друзья мисс Тейлор могут лишь порадоваться, как удачно она вышла замуж.

— Вы позабыли, что у меня есть и другие причины для радости, и весьма существенные! — добавила Эмма. — Ведь это я свела их вместе и четыре года прочила этот брак. Все вокруг твердили, что, мол, мистер Уэстон никогда больше не женится. Но наконец все свершилось — вот и мое утешение.

Мистер Найтли неодобрительно покачал головой, а мистер Вудхаус нежно ответил:

— Ах, голубушка моя. Не своди, пожалуйста, больше никого и ничего не предсказывай, а то у тебя всегда все сбывается. Прошу, не устраивай больше браков!

— Для себя не буду, папа, обещаю. Но я обязана трудиться во благо других. Это увлекательнейшее занятие! Да еще и после такого успеха! Да, все твердили, что мистер Уэстон никогда больше не женится. Ни за что! Ведь мистер Уэстон уж столько лет живет вдовцом и отлично справляется без жены, вечно занят делами в городе или проводит время здесь, с друзьями, всегда в веселом расположении духа, всегда желанный гость в любом доме — ему и не приходится просиживать вечера в одиночестве, разве что он сам того пожелает. Нет-нет! Мистер Уэстон ни за что не женится вновь. Поговаривали о каком-то там зароке, который он дал уходящей в последний путь жене, а кто-то выдумывал всякие сплетни про то, что ему не позволят ни дядя, ни сын. И всякая подобная чушь, но я ни словечку не поверила. Как сейчас помню тот день, когда мы с мисс Тейлор повстречали его на Бродвей-Лейн. Внезапно начался дождь, и мистер Уэстон очень любезно раздобыл для нас зонтики у фермера Митчелла. Тогда-то, четыре года назад, я все и решила. С того самого момента я задумала сватовство. А теперь, папа, когда я справилась с таким успехом, неужели я могу не помочь и другим?

— Не понимаю, о каком это «успехе» вы говорите, — заметил мистер Найтли. — Успех предполагает

усилия. Достоин же вы провели последние четыре года, если все это время хлопотали об их браке. Подходящее занятие для юной девицы! Однако подозреваю, что, как вы говорите, «сватовство» происходило таким образом: вы подумывали об этом в праздную минутку да приговаривали: «Ах, как здорово было бы, чтобы наша мисс Тейлор и мистер Уэстон поженились!» В чем же тут успех? В чем ваша заслуга? Чем вы гордитесь? Догадка ваша оказалась удачной — только и всего.

— А вам что же, неизвестны блаженство и триумф удачной догадки? В таком случае мне вас жаль: я полагала, вы человек более тонкого ума. Ведь для удачной догадки одного везения мало, здесь нужен особый талант. А что до несчастного моего слова «успех», на которое вы вдруг так взъелись, то не вижу причин его не использовать. Вы обрисовали две крайности, однако же я считаю, что есть место и для третьей картинки — золотой середины между полным бездействием и бурной деятельностью. Не поощряй я визиты мистера Уэстона в Хартфилд, не подавай я ему мелкие намеки и не улаживай я небольших помех, то, может, ни до какой свадьбы дело бы и не дошло вовсе. Полагаю, вы достаточно знакомы с устройством Хартфилда, чтобы это понимать.

— Такой прямой и открытый мужчина, как Уэстон, и такая рациональная и искренняя женщина, как мисс Тейлор, наверняка справились бы сами. А вмешательство ваше скорее навредило вам самим, чем принесло хоть какую-то пользу им.

— Эмма никогда не думает о себе, если может помочь другим, — вновь вступил в беседу мистер Вудхаус, хоть и понимал ее лишь отчасти. — Но, милая, прошу тебя, не сводничай больше. Брак — вещь совершенно глупая, он разрывает домашний круг и приносит одни горести.

— Я непременно должна помочь хотя бы одному нашему другу, папа, мистеру Элтону. Бедняжка мистер Элтон! Папа, тебе ведь нравится мистер Элтон. Я обязательно должна подыскать ему достойную жену, но в Хайбери подходящих девушек нет. А ведь он здесь уже целый год и так прекрасно обставил свой дом, что грех было бы и дальше оставлять его в холостяках. Сегодня, соединяя руки жениха и невесты, он так на них смотрел, будто и сам не прочь уже оказаться на том же месте со своей избранницей! Я о нем самого высокого мнения и только так могу хоть чем-то ему помочь.

— Мистер Элтон, вне всяких сомнений, приятнейший молодой человек, и я к нему очень хорошо отношусь. Но если ты и хочешь оказать ему какую-то услугу, душа моя, то лучше просто пригласи к нам на обед. Так-то будет куда лучше. Думаю, мистер Найтли любезно согласится к нам присоединиться.

— С удовольствием, сэра, — ответил мистер Найтли, посмеиваясь, — и я полностью с вами соглашусь: так будет куда лучше. Эмма, пригласите его в Хартфилд отобедать. Угостите вашими лучшими рыбными и куриными блюдами, но выбор собственной жены оставьте на его вкус. Уж поверьте, мужчина двадцати шести — двадцати семи лет способен решать такие вопросы самостоятельно.



ГЛАВА II

Мистер Уэстон родился в Хайбери и происходил из уважаемой семьи, последние два-три поколения которой постепенно обзавелись имуществом и вошли в аристократический круг. Он